

ROBERTO BOLAÑO

LOS
DETECTIVES
SALVAJES

РОБЕРТО БОЛАНЬО

ДИКИЕ СЫЩИКИ

Перевод с испанского Анны Мазуровой

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2
ББК 84(7Чил)
Б79

Roberto Bolaño

LOS DETECTIVES SALVAJES

Печатается с разрешения наследницы автора и
литературного агентства
The Wylie Agency (UK) LTD.

Перевод с испанского: *Анна Мазурова*

В оформлении обложки использована работа
Василия Половцева

Дизайн обложки: *Василий Половцев*

ISBN 978-5-17-116781-3

Copyright © 1998, Roberto Bolaño
All rights reserved

© Анна Мазурова, перевод, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

*Каролине Лопес и Лаутаро Боланьо,
которым повезло походить друг на друга*

— Вы хотите, чтобы Мексика была спасена? Вы хотите, чтобы Иисус был нашим королем?

— Нет.

Малькольм Лаури

**I. МЕКСИКАНЦЫ,
ЗАТЕРЯННЫЕ В МЕКСИКЕ (1975)**

2 ноября

Меня пригласили вступить в объединение висцерального реализма. Разумеется, я согласился. Церемонии посвящения не было. Что даже лучше.

3 ноября

Я не очень хорошо разбираюсь, в чём состоит висцеральный реализм. Мне семнадцать лет, зовут меня Хуан Гарсиа Мадэро, идёт первый семестр моего обучения на юридическом факультете. Поступать я хотел не на юридический, а на литфак, но дядя настоял, пришлось уступить. Я сирота. Стану адвокатом. Так я и сказал дяде и тётке, а потом заперся в комнате и проплакал всю ночь. Или бóльшую часть. А потом поступил на хвалёный юрфак, внешне смирился, однако уже через месяц записался к Хулио Сэсару Аламо в мастерскую поэтического творчества при факультете философии и литературы. Там-то я и познакомился с висцеральными реалистами, или с висцералистами, как они любят себя иногда называть. Пока сходил на занятия раза четыре. Ничего особенного там не происходит, хотя это как посмотреть, потому что всё время мы что-нибудь делаем, то есть читаем стихи, а Аламо, по настроению, их

то разносит, то хвалит. Один читает — Аламо критикует, потом другой читает — Аламо критикует, потом третий начнёт читать — и Аламо опять критикует. Иногда ему становится скучно, и он просит нас (тех, кто в этот момент не читает) тоже высказывать мнение, и тогда мы высказываем мнение, а Аламо читает газету.

Эта методика — лучшее средство, чтобы никто не нашёл там друзей или чтобы дружили лишь убогие с обиженными.

Кстати, нельзя сказать, чтобы Аламо был таким уж хорошим критиком, хотя об анализе текста твердит постоянно. Теперь мне уж кажется, он разглагольствует лишь бы поразглагольствовать. Что такое перифраз, он знал. Не очень твёрдо, но знал. А вот что такое пентаметр (который, как всем известно, в античной метрике соответствует пятистопному дактилю), он уже не знал. Как не знал, и что такое никаркео (одна из разновидностей фалесио), и что такое катрен (строфа, состоящая из четырёх стихов). Спрашивается, откуда мне это известно? Оттуда, что на самом первом занятии я совершил большую ошибку, у него об этом спросив. Не знаю, о чём я думал. Единственный мексиканский поэт, у которого такие вещи отскакивают от зубов, это Октавио Пас [1] (наш большой враг), остальные о них и понятия не имеют,— по крайней мере, так мне сообщил Улиес Лима через несколько минут после того, как по дружескому приглашению других членов я примкнул к висцеральному реализму. Такие вопросы, как я убедился, с моей стороны демонстрируют только бестактность. Поначалу я думал, что он улыбается мне с восхищением. Но потом понял,— скорее, не мне. Надо мной. Мексиканский поэт (как, по-видимому, вообще все поэты) терпеть не может, когда его тычут носом в собственное невежество. Но я не сдался, и после того, как на втором занятии он мне

убил пару стихотворений, спросил, знает ли он, что такое *риспетто*. Аламо тут же решил, что я требую *респектов* (меня, дескать, не уважают здесь как поэта), и принялся рассуждать о ценности объективной критики (в отличие от какой?), и что это такое минное поле, по которому, не подорвавшись, должен пройти каждый молодой поэт, и так далее, и так далее, но я не дал ему продолжить, пояснив, что ни разу за всю свою, правда короткую, жизнь не требовал уважения к моим скромным творениям, и заново сформулировал вопрос, выговаривая слова с максимальной чёткостью.

— Не гони тупту, Гарсиа Мадеро,— сказал Аламо.

— *Rispetto*, уважаемый мэтр, это разновидность лирической, точнее любовной, поэзии, близкая к страмботто, народной песне строфической формы по шесть или восемь стихов с одним или двумя двустигмными рефренами в конце строфы. Например,— и я приготовился привести один-два примера, но тут Аламо резко вскочил и положил конец дискуссии. Дальше какой-то туман (хотя я на память не жалуясь), помню только, что Аламо засмеялся, потом раздались ещё четыре-пять смешков товарищей по цеху, вероятно, обрадованных возможностью самоутвердиться за мой счёт.

Другой на моём месте больше ногой не ступил бы в такую творческую мастерскую, но, несмотря на осадок (точнее, провал, обоснованный всеми законами памяти), на следующей неделе я снова там был, со всей свойственной мне пунктуальностью.

Я считаю, что это судьба. Шло пятое занятие в творческой мастерской Аламо (впрочем, оно могло быть и восьмое, и девятое, ибо в конечном итоге, как я заметил, время сжимается и растягивается как угодно), в воздухе чувствовалось напряжение, переменные токи трагедии, хотя почему — неясно. Для начала мы оказались в полном составе,

все семеро подмастерьев, записавшихся на семинар. И все до единого как на иголках. Даже Аламо, обычно само спокойствие, не был похож на себя. На минуту я подумал, нестряслась ли какая-нибудь неизвестная мне заваруха в университете: перестрелка, забастовка, убили декана, взяли в заложники преподавателя философии, что-нибудь в этом роде, — но ничего не стряслось, и никто не имел ни единой причины сидеть как на иголках. То есть никто не имел объективной причины. Однако с поэзией (если она настоящая), стоит ей грянуть, всегда так. Она как ощущение в воздухе, говорят, есть такие животные, которые предчувствуют землетрясение (к ним относятся змеи, черви, крысы и некоторые из птиц). То, что было дальше, не поддаётся здравому смыслу, рискну даже назвать это чудом, хоть это и пшло. К нам пришли двое висцералистов, и Аламо скрепя сердце нам их представил, хотя лично знаком был с одним, о другом только слышал, а может быть, даже не слышал. Но, главное, он их пустил и представил.

Не знаю, чего они там потеряли. Их появление носило открыто военный характер, хотя и не без пропагандистских намерений, не без надежды пополнить ряды новобранцами. Сначала висцеральные реалисты держались тихо и скромно. В свою очередь, Аламо дипломатично затаился в ожидании дальнейшего развития событий, выдавая себя разве что лёгкой иронией. Мало-помалу, заметив их робость, он осмелел, и уже через полчаса семинар вошёл в обычное русло. Тут-то и началась баталия. Висцеральные реалисты стали высказывать отдельные замечания в адрес аламовской системы критики, а он их назвал сюрреалистами последнего разбора и лжемарксистами, причём пятеро членов семинара его поддержали — то есть практически все, кроме одного долговязого парня, который всегда ходил с книжкой Льюиса Кэрролла и никогда

не высказывался, и меня. Откровенно говоря, я удивился, что главные жертвы безжалостной критики Аламо оказались его самыми горячими приверженцами. В этот момент я решил вставить слово и обвинил Аламо в незнакомстве с *риспетто*; висцералисты по-рыцарски тут же признались, что сами ничего не знают о *риспетто*, хоть это не умаляет важности моего замечания (что они тоже поспешили отметить); один стал расспрашивать, сколько мне лет, я сказал, семнадцать, и ещё раз вознамерился объяснить, что такое *риспетто*; Аламо побагровел от ярости; остальные члены кружка обвинили меня в педантизме (один даже назвал академиком); реальные висцералисты встали на мою защиту; раз уж на то пошло, я спросил у Аламо и прочих, запомнили ли они, по крайней мере, никаркео или тетрастих. И никто не смог ответить.

Вопреки моим ожиданиям дискуссия не перешла в потасовку. Признаться, я был разочарован. Один из членов кружка погрозился набить морду Улиесу Лиме, но кончилось дело ничем, хотя я по всей форме ответил на вызов (ещё раз подчёркиваю, адресованный не мне), заявив, что я к его услугам в любом месте кампуса, во всякий удобный ему день и час.

Семинар закончился неожиданно. Аламо вызвал Улиесу Лиму прочитать своё стихотворение. Тот не заставил себя упрашивать и достал из кармана драповой куртки несколько грязных и мятых бумажек. Какой ужас, подумал я, не понимает, глупец, что сам лезет в пасть к волку. Кажется, даже зажмурил глаза от сочувствия и стыда. Есть время для декламаций и время для бокса. По-моему, перед нами был скорее второй случай. Как и сказал, я закрыл глаза и услышал, как Лима прочищает горло. Услышал установившееся неловкое молчание (если, конечно, молчание можно услышать). И наконец его голос, чита-

ющий лучшие строки из всех мне известных. Затем встал Артуро Белано и сказал, что они ищут поэтов, желающих сотрудничать в журнале, который собираются выпускать висцеральные реалисты. Записаться хотелось всем, но после схватки было неловко, и никто не раскрыл рта. Когда семинар закончился (позже, чем обычно), я пошёл их проводить на остановку автобуса. Было достаточно поздно. Автобусы не проезжали, мы решили все вместе сесть на маршрутку-песеро до площади Реформы, а уж оттуда пешком дошли до бара на улице Букарели, где просидели допоздна, разговаривая о стихах.

Там я мало что выяснил. Название группы — в каком-то смысле шутка, но в каком-то другом смысле очень серьёз. Насколько я понял, когда-то в Мексике существовала авангардистская группа с названием «Висцеральные реалисты», хотя я не знаю, кем они были: писателями, художниками, журналистами или революционерами. Они работали, хотя и в этом я не уверен, где-то в двадцатые или тридцатые годы. Разумеется, я никогда об этой группе не слышал, но это можно списать на мою безграмотность в литературных вопросах (сколько книг ещё ждёт прочтения!). По словам Артуро Белано, висцеральные реалисты в конце концов затерялись в пустыне Соноры. Потом же была упомянута некая Сесария Тинахеро (или Тинаха, точно не помню), по-моему, в этот момент я кричал, требуя официанта и пива, а речь шла о сборнике графа Лотреамона [2], «Стихотворения», что-то из этих «Стихотворений» было как-то связано с Сесарией Тинахеро, а потом Лима сделал таинственное заявление. По его словам, современные висцеральные реалисты движутся задом наперёд. Что значит «задом наперёд»? — спросил я.

— Вперёд спиной, не спуская глаз с определённой точки, но всё время удаляясь от неё по прямой в неизвестное.

Я сказал, что мне нравится этот способ ходьбы, хотя на самом деле ничего не понял. Если вдуматься, это худший способ ходьбы.

Позже подошли другие поэты, одни — висцеральные, другие — нет, поднялся невообразимый гам, и я совсем уж было подумал, что Белано с Лимой забыли обо мне в разговорах с каждым чудиком, подсаживавшимся к нашему столу. Но где-то ближе к утру они спросили, хочу ли я войти в их команду. Они не сказали «в движение» или «в группу», они сказали «в команду», и мне это очень понравилось. Конечно же, я сказал да. Это даже логично. Белано пожал мне руку, сказав, что отныне я один из них, и мы затагнули ранчеру. И всё. В той ранчере пелось про затерянные селения мексиканского севера и про прекрасные глаза. Прежде, чем меня стошнило на улице, я успел спросить, не про глаза ли Сесарии Тинахеро шла речь. Белано и Лима посмотрели на меня и сказали, что я готовый висцералист и что вместе мы перевернём латиноамериканскую поэзию. В шесть утра я снова сел на маршрутку, на этот раз один, и доехал до Линдависты, где живу. Сегодня в университет не ходил. На весь день заперся в комнате и писал стихи.

4 ноября

Снова был в баре на улице Букарели, но реальные висцералисты не появлялись. Пока я их ждал — читал и писал. Завсегдатаи бара, молчаливые пьяницы с видом висельников, не спускали с меня глаз.

Итоги пятичасового ожидания: четыре пива, четыре текилы, тарелка с тортильями, наполовину нетронутая (тухловатые оказались тортильи), дочитанный до

конца последний сборник стихов Аламо (специально принёс, чтобы поиздеваться с друзьями), семь текстов, написанных в манере Улисеся Лимы, точнее в манере того единственного стиха, который я не читал, а слышал. Первый — про закуски, разящие трупным запахом; второй — про университет (как его громят у меня на глазах); третий — тоже про университет (я бегу голый среди множества отморозков); четвёртый — о луне над городом Мехико; пятый про гибель певца; шестой о тайном обществе, ютящемся в подземных клоаках Чапультепека; и седьмой — о потерянной книге и дружбе. Вот и все результаты, плюс физическое и духовное ощущение одиночества.

Ко мне норовили подсесть несколько алконавтов, но, несмотря на возраст, я умею отбрить непрошенных гостей. Официантка (зовут её, как я узнал, Бригида, она говорит, что запомнила меня с того вечера, когда я приходил с Белано и Лимой) потрепала меня по голове. Как бы походя, направляясь обслуживать другой столик. Потом ненадолго присела и завела, что волосы у меня длинноваты. Она ничего, нормальная, но отвечать я не стал. В три утра вернулся домой. Реальные висцералисты так и не появились. Неужели я больше их не увижу?

5 ноября

О друзьях моих ничего не слышно. Два дня, как я не хожу на факультет. На семинар Аламо я тоже возвращаться не собираюсь. Сегодня днём опять ходил в «Веракруссский перекрёсток» (так называется бар на улице Букарели), но реальных висцералистов и след простыл. Любопытно, как меняется подобное заведение при посещении вечером,